

Владимир Мартынов: «Духовная музыка стала одной из разновидностей шоу-бизнеса»

Композитору Владимиру Мартынову исполнилось шестьдесят лет. Юбилар не хочет замыкаться в узких рамках музыки. Он создает инсталляции, соединяя их с другими разновидностями искусства, занимается фотографией и пишет книги. В марте центр «Дом» проводит очередной творческий фестиваль Мартынова, где зрителям предстоит увидеть новую инсталляцию композитора. Об этом и многом другом с юбиляром побеседовала Ольга Романцова.

Владимир Иванович, когда вы поняли, что будете композитором?

Лет в четырнадцать-пятнадцать, когда стал заниматься с Николаем Николаевичем Сидельниковым. Я сочинял музыку примерно с шести лет, отец записывал мои «опусы» и, когда я стал постарше, показал их Юрию Александровичу Шапорину. Он был крупным советским академическим композитором и замечательным человеком. Дружил с Алексеем Толстым, принимал участие во всех его кутежах. Шапорин сказал, что мне надо заниматься композицией, и препоручил меня своему ассистенту Сидельникову.

Ваш отец Иван Иванович Мартынов был автором первой книги о Шостаковиче...

Отцу из-за этого пришлось несладко. Книга вышла в 1947 году,

Фотограф: Максим Конев / Газета

перед началом гонений на Шостаковича. Кроме того, музыковед Штукеншmidt, специалист по новой венской школе, опубликовал за границей две главы из книги в своей хрестоматии по современной музыке. Отца уволили с работы, удивительно, что его не арестовали.

Иван Иванович когда-нибудь сравнивал вас с Шостаковичем? Вам хотелось стать таким композитором, как он?

Отец много рассказывал о нем, но с Шостаковичем у меня связаны неприятные воспоминания. Когда я поступил в консерваторию, Шостакович собирался преподавать. И меня без моего ведо-

ма определили к нему на курс, что осложнило мои отношения с Сидельниковым. К счастью, Шостакович не стал преподавать. Он не относился к разряду моих любимых композиторов. Я даже бравировал тем, что не ходил на премьеры его Четырнадцатой и Пятнадцатой симфоний. Хотя со временем я начинаю больше ценить Шостаковича и слушаю его последние квартеты.

В 1979 году вы перестали сочинять музыку, преподавали в Московской духовной академии и занимались реконструкцией Знаменного распева. Что послужило поводом для этого?

Целая совокупность событий и встречи с необычными людьми. Например, с отцом Владимиром Рожковым. Он консультировал на Мосфильме и был настоящим бонвиваном. Любил посидеть в Доме кино с артистами, выпить, пошутить. Но после застольных бесед люди, далекие от веры, начинали посещать службы... Встреча со старцем Таврионом в Елгаве расставила все точки над i. Я понял, что воцерковление — единственно правильный путь.

Но через какое-то время вы вернулись в мир и снова стали сочинять музыку.

Я пришел в Церковь в момент духовного возрождения.

Мы занимались Знаменным распевом под руководством Владыки Питирима, создали хор «Древнерусский распев» под руководством Анатолия Гринденко. С началом перестройки ситуация изменилась. На мой взгляд, перестройка очень повредила Церкви, привела ее к духовному кризису. Я верю, что Церковь его преодолеет, но многое сейчас находится в удручающем состоянии. Например, духовная музыка. Ансамбли, раньше всерьез занимавшиеся Знаменным распевом, делают записи, выступают на концертах, активно гастролируют на Западе. Духовная музыка стала одной из разновидностей шоу-бизнеса. А внутренний вид храма Христа Спасителя? На мой взгляд, это национальная катастрофа.

В чем, на ваш взгляд, особенность современной культурной ситуации?

Мы живем не в пространстве искусства, а в пространстве его производства и потребления. Раньше ситуацию определяли творческие люди, все делалось ради художественного произведения. Сейчас все диаметрально противоположно. Издатель или галерейщик манипулирует композиторами или художниками, выбирает стратегию и определяет, что произойдет. А художественные произведения заменили проекты, приуроченные к тому или иному информационному поводу.

Мартынов Владимир
(комментарий)
Газета
20.02.06.